

Станислав Голиков

ГОРОД

Эйфория

Томск

2012

УДК 882
ББК 84(2)
Г60

Дорогой читатель!

Ты держишь в руках сборник стихотворений начинающего новосибирского поэта Станислава Голикова.

Эта книга не случайно разделена на две части: в первой собраны более депрессивные, мрачные стихотворения, сатирически обличающие пороки современного общества.

Вторая часть включает более меланхолические, задумчивые, и в то же время — более оптимистичные, яркие стихи.

Хотя в поэзии Станислава ещё много юношеского максимализма, в ней раскрывается неповторимый авторский стиль.

Желаю приятного прочтения!

София Горбунова, редактор

ЧАСТЬ I

ГОРОД

Голиков Станислав

Г60

Город / Станислав Голиков. — Томск: Эйфория, 2012. — 24с.
ББК 84(2)

©Голиков С.П., 2012
©Чепкасова К.С., иллюстрации, 2012
©Издательство «Эйфория», 2012

ГОРОД

Грязный шум прорывается в дом —
Это город в сознание приходит.
Постепенно пейзаж за окном
В беспокойную живость приходит.

Реки чёрных железных жуков
С шумом льются по скользкой дороге.
Плащ из страшных, украденных снов
Укрывают их мрака пологи.

Жизнь кипит только в трубах заводов,
Гарь ложится на листья цветов.
Чтобы Солнце скрыть от народов,
Разгорается пламя костров.

Плотно кутаясь в собственный мир,
Люди гнёзда свои покидают.
И внимая гудению лир,
Путь в толпе себе расчищают.

Они смотрят пустыми глазами
Из глубин своих плотных одежд,
С затаёнными смотрят слезами
На остатки бесплодных надежд.

И не чувствуют связи друг с другом
Взгляды вместе боятся сплести.
Дорожат этим замкнутым кругом
И готовы его восхвалять.

ОНИ ИДУТ!

Они идут, ты слышишь шорох,
Ведь их приход неотвратим.
Сомнений бесполезный ворох
Сметут движением одним.

Они не знают ни сомненья,
Ни жалости, ни счастья слёз.
Подобному сознанья тленью
Нет места среди страшных грёз.

Их мысль лишь будущему внемлет,
Где совершится правый суд
Над властью, что доселе дремлет,
Воруя и бесчестя честный труд.

Их манит обещанье рая
Страны, где всяк друг другу брат.
Достичь того чудного края
Они так бешено хотят.

Их цель оправдывает средства.
Слезы ребёнка им не жаль,
Не жаль детей, лишённых детства.
Зовёт их сладостная даль.

В пожаре страшного упадка
Сгорит прогнивший старый мир.
Врагами нового порядка
Закатит смерть свой жуткий пир.

Они пришли, пока ты спал.
И твой уютенький мирок
Так скоро в мороке пропал,
Жестокий преподав урок.

КТО ВИНОВАТ

Твою страну давно поработили,
Народ твой проклят и забыт.
Глупцы богатство вековое прокутили,
Надежды на успех повесели на щит.

Воров, убийц ты видишь на трибунах.
Они, подобно Клавдию, яд в уши изливают,
Они играют на душевных людских струнах,
Тех, кто не внемлет им — безжалостно карают.

Этой страной нельзя уже гордиться.
И стыдно в высшем обществе сказать,
О том, где ты действительно родился,
О том, где вынужден доселе проживать.

Что ж сделал ты, чтоб было всё иначе?
А может, ты частями продавал
Людей, историю, культуру. И удаче
Не верил, сгребая то, что раньше не украл?

А может ты дрожал под полом, боясь идти наперекор?
А может ты решил, что ничего не значит,
Для тысячи предателей твой робкий приговор?
Не думал ты, что проведение
тебя ответственным назначит?

Ведь ты достоин этой “чести”...

ПОЭТ

Я написал стихи без смысла,
Зато в них много умных слов,
Метафора в стихах повисла:
Там было что-то про ослов,

Что в моём даре не узрели
Богов святую благодать.
Глухи они к моей свирели,
Что их мозгам лишь дуб под стать.

Что их сердца черствы, как камень,
А дух мой — лёгок, как эфир.
Я весь такой горю, как пламень —
Они же — киснут, как кефир.

Что, нету ритма в этих строках?
И рифмы тоже не найти?
В стихах же главное — не форма,
А чувства, мысли донести!

А образы, сравнения, краски...
Воздушно облачен мой стиль!
Что? Не рассказываю сказки!
Я душ людских зажёл фитиль!

Стихи мои вам не по нраву?
Что ж, друг мой, вы не доросли...
Мой первенства венец по праву!
А вы б — своей дорогой шли!..

ПАРАЛИЗОВАННЫЙ

Прикован к кровати цепями забвенья,
У мира отобран я злою судьбой.
Прочнее, чем сталь, оков этих звенья
Мне тело моё даёт страшный бой.

И снова тут утро, и снова ору —
Я криком своим хочу горло порвать,
Но не оживить мне глотки нору,
Лишь в голове будет эхо звучать.

И снова ты здесь, и снова в слезах.
Я снова пытаюсь к тебе прикоснуться.
Прочти же мой крик в стеклянных глазах!
Давай! Помоги мне снова проснуться!

Но вот ты уходишь — опять я один...
Безмолвны палаты белые стены.
Лишь в черепе тесном — себе господин!
Хочу разорвать свои старые вены!

Страшна моя ярость, но цепи крепки.
Прошу, опустите усталые веки!
Годами я сбросить пытаюсь замки,
Что ум мой жестоко сковали навеки.

Недуг в клетку тело моё обратил, —
Теперь только боль мне товарищ и друг
Неведомый ужас сознание пленил,
Не в силах порвать я сей замкнутый круг.

ЗВЕРЬ

Я вырастил зверя на дне
Тесной клетки из рёбер и плоти,
Куда нет ходу свету извне,
Куда боль одна с лёгкостью входит.

Зверь, свернувшись под сердцем, внимает
Всем движениям мятежной души.
Липкий страх мне нутро пожирает
В брэнной плоти ужасной тиши.

Он растёт, он всё больше, сильнее,
Всё длиннее, острее клыки.
И мой демон жаждет скорее
Испить влаги багровой реки.

И глядя в ясный холод зеркал
Вместо счастья улыбки там вижу
Злобы чёрной ужасный оскал...
И себя всё сильней ненавижу.

ПЕСНЬ БЕРСЕРКА КХОРНА

Я хочу разорвать твоё тело на части,
Выпить кровь из разорванных вен.
И в порыве безудержной страсти
Истребить белоснежный цвет стен.

Перед боем я рад помолиться
Богу Крови, что в сечь поведёт.
Пока буду со смертью кружиться,
На меня благодать снизойдёт.

Я к тебе, моя демонетка
После боя в варп поспешу.
Чтобы наша любовная метка
Не травмила мне душу, прошу.

Черепу когда Богу отдам я,
Тебе сердце одно подарю,
Что цепною пилой вырезал я.
Потому что тебя я люблю!

И ещё молодого имперца
Передам для любовных утех.
Чтоб пока бьётся жалкое сердце
Над землёю катился твой смех.

ЧАСТЬ II

АНГЕЛ

АНГЕЛ

Я видел сегодня крылатую диву.
Свеченьем заката сияла она,
Когда обходила несжатую ниву,
Будто осколок чистейшего сна.

Глаза ей — безбрежной души океаны,
А волос пылает рыжим огнём.
Её ароматы — рассвета туманы,
И словом бьёт в сердце как острым клинком.

Ей ведома тайная радость полёта,
И пламенной воли бушующий нрав,
Загадочна в её душе огня природа:
Что ни скажи ты — будешь не прав.

Пытливейший ум ей судьбою дарован,
И искра творения Богом дана.
И всякий её красотой очарован.
На свете такая есть только одна.

ПРАВЕДНИКАМ

Признайся мне: манит тебя, мой друг,
Людских страстей порочный круг!
Блудливой девки томный стон,
Монет златых весёлый звон.

Ах, разве б создал Бог блудницу,
Чтоб ты не мог ей вволю насладиться?
А дал бы часть презренного металла,
Чтоб злата власть твоей руки не знала?

А ты ж противишься естественным вещам!
При жизни сходен стал святым мощам!
Ты даже не познал людского счастья...
Скажи, Бог хочет, чтоб ты жил ненастьем?

Зачем он дал тебе свободу воли?
Чтоб жизнь ты окружил садами боли?
Другой судьбы он для тебя не хочет?
За всяк проступок Ад тебе пророчит?
Так где ж его любовь тогда и всепрощенье?

Лишь боль — в его глазах — поощрение?
Он хочет, чтоб ты гимны ему пел,
И ладан в церкви в его честь горел?

И что его тщеславье пожирает?
Тех, кто его не хвалит — он карает?
Так славь его же, вторь его тщеславию!
Чтоб после смерти Рай он сделал явью!

Нет, Бог прекрасен. А вот церковь — кнут
В руках людей, чей бремя власти труд
Обязывает сделать всех людей рабами
И вымостить дороги вольных дум гробами.

Так встань же! Сбрось с себя оковы!
Почувствуй радости, что грешникам не новы!
Живи счастливым ты, пока живёшь,
Ведь в вечности ты жизни не найдёшь.

МОТЫЛЁК

Мотылёк тут вчера под окном танцевал
Меж нитей накала он быстро летал
Он выбрать не мог тот огонь, где сгореть
То пламя что сможет его обогреть.

И ночь всю за ним я пристрастно следил
Держась за останки чугуновых перил
Он плыл, трепыхался, с судьбою играл.
Под утро он, видно, ужасно устал.

Упал бездыханно на серый бетон
Никто не услышал его тяжкий стон
Не выбрал, не смог, а ведь жизнь коротка...
Уносит часы наши время-река.

РАЙ

Ах, Рай! О чудные сады
Беспечной неги, вечного блаженства.
В награду — счастье за труды,
За приближенье к совершенству.

Там всяк обрящет свой покой —
Без страха, боли, злобы.
Чудна награда — мир иной,
Небесная утроба.

Но что за бред? К чему покой?
Лишь слабых духом радость
Ждать чёрного жнеца конвой,
Чтоб смерти выпить сладость.

Святые скажут, что трудятся,
Смирняя плоть свою и дух.
На самом деле, лишь боятся,
Что в Ад их примет мрака дух.

Они толдычат лицемерно,
Как нам, обычным людям, быть,
Что верно здесь, а что не верно,
Как жизни стоит нам прожить.

Но сами даже не вкусили,
Что значит человеком быть.
И вера их — анестезия
Чтоб не страдать и не любить.

Но искру тратить я не буду,
На то, чтоб раньше умереть.
Я боль и радость не забуду,
Добро и зло хочу воспеть.

И тысячу раз грешен буду,
Пока сквозь жизнь стрелой лечу,
Не потому что бес попутал,
А потому что так хочу!

И буду свят я сотню раз,
Пока сквозь жизнь один бреду.
Не Бога в том виной указ,
А лишь мой пыл в судьбы бреду.

Я жизнь прожить хочу без веры,
И пусть гореть душе в аду,
Где муки, кровь, и запах серы...
В мгновении жизни смысл найду!

ОГОНЬ

Плясали отблески огня,
Бежали в стенах блики.
Огонь заморозил меня —
В огне горели книги.

Рой огнекрылых мотыльков
Поднялся со страниц,
На землю сотня угольков
Легла, как стая птиц.

Милльоны драгоценных слов
Сожрал огонь, пируя,
Обрывки разноцветных снов
Из рук людей ворюя.

Я жёг их, чтоб не знали люди,
Что можно быть другими.
Я выполнял решение судей —
Пусть книгам быть немymi.

Заткнуть им глотки, бросить в печь.
Куда уж проще дело!
Не будет смысла мне стеречь
Обугленное тело.

Ведь лепестки бумаги чёрной
Не сохраняют слова.
Не может быть оценки спорной —
У нас с тобой права!

И право главное — не знать,
Не думать, не метаться.
И быть безликими, как рать...
Счастливыми остаться!

ЗАБЫТЬ

Память я над рекою развею,
Чтоб, лучами заката горя,
Уходило всё то, во что верю,
Разгоралась чтоб ярче заря.

Чтоб порывы холодного ветра
Всю тоску вымывали, ревя.
Под ветвями могучего кедра
Чтоб заснуть, лишь моментом живя.

Чтобы новым и чистым проснуться,
Искупаться в рассветных лучах.
И небес красоте улыбнуться,
Загорелся чтоб пламень в очах.

Чтобы память лет не шептала,
Что любимая дышит землёй.
Чтобы тень той, что сердце украла,
Не стояла передо мной.

ТЫ ПОМНИШЬ?

Ты помнишь, как здесь было раньше?
Ты помнишь тех слепых солдат,
Что несвободу охранявши,
Штыком слепили кололи всех подряд?

Ты помнишь ложь телеэкранов,
О том, что мы сильнее всех?
Ты помнишь, как стада баранов
Свой добровольно стригли мех?

Ты помнишь, всяк кто здраво мыслил
Безумцем тут же прослывал?
И, как звучал последний выстрел, —
Слепой мгновенно прозревал?

Мы Бурю перемен подняли,
Мы прежних идолов сожгли.
Людей, что нам так долго лгали, —
С пути истории смели.

Наш новый флаг теперь — свобода,
Наш лозунг — “Правда есть одна”.
И новая людей порода
Вот-вот наполнит города.

Что изменилось? Те же раны.
Всё те же патрули солдат,
Всё та же ложь телеэкранов,
И всяк безумен, кто не рад.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I

Город	5
Они идут!	6
Кто виноват	7
Поэт	8
Парализованный	9
Зверь	10
Песнь берсерка Кхорна	11

Часть II

Ангел	15
Праведникам	16
Мотылёк	17
Рай	18
Огонь	20
Забывать	21
Ты помнишь?	22

*Литературно-художественное
издание*

Голиков Станислав

ГОРОД

Редакторская правка, компьютерная вёрстка

С.В. Горбунова

Иллюстрации, дизайн логотипа издательства

К.С. Чепкасова

Подписано в печать 05.06.2012. Формат 60 × 84¹/₁₂.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «Gungshu». Тираж 10 экз. Заказ №1.

Издательство «Эйфория», г. Томск, пр. Ленина, 36.